

Здесь нельзя не отметить композиционную стройность всего замысла дилогии Вачевой: от анализа психологических особенностей и личности молодой великой княгини в начале первой книги она, следуя логике постепенного изменения анализируемого текста и логике жизни своей героини, в последнем разделе подходит к рассмотрению темы вечности и бессмертия, к которой, по ее мнению, вплотную подошла Екатерина не только к концу жизни, но и в последней редакции своих мемуаров.

В заключении автор монографии еще раз подчеркивает основные положения своей дилогии: анализ уникального исторического опыта императрицы Екатерины II (как женщины, правителя, человека), отраженного в нескольких редакциях ее мемуаров, возможен только в контексте привлечения разных повествовательных традиций и подключения авторитетных текстов разных эпох и национальных литератур. По мнению автора книги, Екатерину отличало безграничное тщеславие, позволившее ей увидеть в самой себе воплощение идеального монарха и образец для потомков. В ее облике, представленном в записках, дано сочетание универсального и национального, прошлого и настоящего, здравого смысла и преднамеренного риска, и именно эти обстоятельства обусловили ее право на бессмертие.

Убедительность этого вывода отчасти подтверждается приложением, в котором рассматриваются некоторые аспекты бытования текста екатерининских мемуаров во второй половине XIX столетия. Не углубляясь в достаточно исследованную, но еще таящую в себе много вопросов историю первой публикации записок, Вачева обращается к репутации Екатерины II и к неоднозначному восприятию А. И. Герценом личности императрицы. Автор монографии рассматривает этот

аспект как эпизод борьбы Герцена за переосмысление прошлого России. По мнению Вачевой, Герцену импонировала молодая и энергичная великая княгиня, и в самом ее последующем правлении ему многое нравилось на фоне эпохи Николая I. Но важнее для него был актуальный контекст событий второй половины XVIII века. Сам факт царствования Екатерины был свидетельством того, что монархия неорганична для России. Спорная легитимность династии работала на его политические взгляды, так как утверждала аморальность самой системы, ее пренебрежение духом народа. Особенно интересным в этом разделе представляется параллель издаваемых Герценом записок Екатерины с написанным им в то же время (1858) письмом императрице Марии Александровне о воспитании наследника престола. Рассказ Екатерины об обстоятельствах взросления Петра III и об их браке оказывался в злободневном контексте обсуждения вопросов семьи и детского и женского образования и оживлял интерес к самой фигуре императрицы.

В заключение следует отметить, что автор книги несомненно находится под определенным обаянием своей героини, что лишней раз свидетельствует о таланте венценосной мемуаристки и об успешности ее писательской стратегии. Тем не менее, дилогия Ангелины Вачевой представляет собой объективное, тщательное и построенное на строгих научных основаниях исследование, которое дает ответы на многие вопросы, стоявшие перед исследователями мемуарного творчества Екатерины II. Более того, книга нередко выходит за рамки изучаемого материала и является значительным вкладом в изучение общих вопросов истории и литературы русского и европейского XVIII века, а также некоторых теоретических проблем литературоведения.

DOI: 10.31860/0131-6095-2018-3-258-259

© Р. Ю. Данилевский

ВТОРОЙ «ЛЕРМОНТОВЕДЧЕСКИЙ СБОРНИК»*

Русское лермонтоведение пополнилось вторым выпуском «Лермонтоведческого сборника». Как и первый выпуск (2014 года),¹

* Лермонтоведческий сборник / Сост., автор предисловия и прим. Н. С. Беляев; науч. ред. Г. В. Бахарева. СПб.: БАН, 2016. Вып. 2. 149 с.

¹ Рец. на него см.: Данилевский Р. Ю. Событие в лермонтоведении // Русская литература. 2015. № 4. С. 180—182.

это издание представляет собой, во-первых, буквально кладезь ценного архивного материала и, во-вторых, оно значительно дополняет сведения об истории «Лермонтовской энциклопедии». Можно сказать и иначе: материалы сборника открывают заинтересованному читателю прелесть «кухни», детали повседневной работы по «строительству» того огромного, многоэтажного здания, которое остается в сокровищнице русской книжности как «Лермонтовская энциклопедия». Если бы не неиссякаемая энергия и талант

В. А. Мануйлова (1903—1987), который был душой всего начинания, здание это могло бы остаться «Вавилонской башней», но оно было построено и в основных своих параметрах долго не устаревает.

В этом выпуске «Лермонтоведческого сборника» три основных раздела.

В первом разделе (с. 13—48) представлены материалы из архива В. А. Мануйлова. Такие известные в литературоведении ученые, как В. Э. Вацура, Н. В. Измайлов, Л. Н. Назарова, Э. Э. Найдич, Г. М. Фридендер и др. хвалят, критикуют, спорят по самым разным вопросам, связанным с «Лермонтовской энциклопедией», начиная с принципов написания статей и до отдельных слов и сокращений. При этом обсуждается не только этот труд, но и подготовительные издания. Речь идет в частности о составленной Мануйловым «Летописи жизни и творчества М. Ю. Лермонтова» (1964), которая оказалась важной ступенью к энциклопедии поэта. Примером может служить рецензия саратовского лермонтоведа Л. И. Прокопенко на «Летопись», поражающая подробностью знания материала и заинтересованностью в совершенствовании науки о Лермонтове (см. с. 29—36).

Второй раздел сборника (с. 49—88) отводится переписке, связанной непосредственно с работой над «Лермонтовской энциклопедией». Основной эпистолярный материал — письма участников издания к В. В. Жданову (1911—1981), сотруднику издательства «Советская энциклопедия» и заместителю Мануйлова по «Лермонтовской энциклопедии». Таких писем до четырех десятков, и они заставляют читателя подумать о той крайне важной и, может быть, недооцененной роли, какую сыграл Жданов в истории этого издания.

Приведем короткое письмо Мануйлова к Жданову от 22 февраля 1974 года, которое помогает представить себе мануйловскую доброжелательность и деловитость, и ценность участия адресата в общем деле:

«Дорогой Владимир Викторович!

В ближайшее время И. Л. Андроников собирается в Ленинград. Было бы хорошо воспользоваться случаем и собрать редколлегия. Еще было бы лучше, если бы Вы приехали за несколько дней до него. Созвонитесь с ним, пожалуйста, и сообщите мне, когда Вас ждать. Если не удастся устроить Вас в гостинице, я могу Вам предложить приют в моей комнате в Комарове (мы это сделаем с разрешения администрации Дома творчества), а я

на эти дни обоснуюсь в городе, а можно и наоборот, лишь бы Вам было удобно и хорошо. Жду указаний. Понимаю, после разъяснений, полученных от Ирины Сергеевны (Чистовой. — Р. Д.), что целесообразно встречу не откладывать. Назначайте в любое удобное для Вас время, согласовав с Артуром Федоровичем (Ермаковым. — Р. Д.) и Ираклием (Андрониковым. — Р. Д.).

Об остальном разрешите поговорить при встрече. Очень, очень рад буду Вас видеть.

Сердечно Ваш В. Мануйлов» (с. 54—55).

Из всего этого эпистолярия встает живая картина повседневной скрупулезнейшей работы над статьями «Лермонтовской энциклопедии» — картина поучительная в особенности для начинающих литературоведов. Из нее видно, каким неброским, но нелегким трудом создаются подобные книги. Только на добросовестности и трудолюбии и знаменитых, и очень скромных сотрудников строится достоинство и научная ценность книг даже справочного жанра.

Разумеется, «Лермонтовская энциклопедия» вышла далеко за рамки справочника. Это был качественный этап в русском лермонтоведении, рубеж, подведение итогов полуторавекового изучения творчества великого поэта и вместе с тем ступень к новой эпохе науки о Лермонтове. Отметим также, что самый жанр энциклопедии одного писателя стал своего рода открытием в русской литературной науке и остается классическим образцом для дальнейших работ в этом направлении.

Третий, заключительный раздел второго «Лермонтоведческого сборника» составляют «Материалы к иконографии М. Ю. Лермонтова» (с. 89—139) — незаменимый источник сведений для заинтересованных читателей.

Сборник открывается «Предисловием» составителя — Н. С. Беляева (с. 3—12). Это — вдумчивая и очень информативная статья, характеризующая публикуемые материалы и содержащая краткие, но очень емкие «портреты» основных действующих лиц истории «Лермонтовской энциклопедии» (Мануйлова, Назаровой, Прокопенко, Жданова). Роль Н. С. Беляева в подготовке сборника к изданию следует оценить очень высоко.

У издания нет недостатков, кроме скромного тиража в сто экземпляров, что сразу делает сборник библиографической редкостью.